

2207

«ЧТОБЫ УТРУ РОДИТЬСЯ ПОМОЧЬ...»

Заметки о творчестве

Евгения Пермяка

НА УРАЛЕ все располагают к тому, чтобы писать. Есть даже гора Карадаш в окрестностях Златоуста (раньше здесь добывали графит). Так что чем писать — не вопрос. А уж о чем — тем более! Россыпи поэтического, сказочного тут — прямо под ногами...

Богатейший материал дает Урал художнику. И не случайно в истории отечественной литературы уральцы — поэты и прозаики — занимают место почетное. Среди них — Евгений Пермяк.

Вышедший в Средне-Уральском книжном издательстве четырехтомник Е. Пермяка выглядит солидно. Но, заметим, составлен он отнюдь не по принципу «по амбарам пометем, по сусекам поскребем», а с большим отбором. В него вошло меньше половины того, что создал Е. Пермяк за сорок с лишним лет работы.

Не секрет, что иной пишущий, поторовитец, чтобы понравиться публике, поступает примерно как Василий Петрович Киреев из романа Е. Пермяка «Старая ведьма». Василий Петрович, знатный сталевар и человек широкой души, когда надумал свататься, явился к невесте не с пустыми руками: «Он принес много ни мало две пары серег, три брошки, часы браслет и сребряные с позолотой сахарные щипчики. Что попалось под руку в ювелирном, то и купил».

Вот листаешь, бывает, «составленную» таким образом книгу и видишь: серьги, брошки, браслет, даже сахарные щипчики — все тут, все, как по опиши! Витрина — есть. Богатая витрина. А книги... нет.

Щипчики щипчиками, а любовь любовью. Любовь у Василия Петровича Киреева была, утакая, что о ней стоило рассказать... Потому и взялся писатель за перо.

Когда при упоминании Е. Пермяка критики все в один голос дружно начинают говорить о колорите, мне еще одним подголоском в этот хор вливаться не хочется. Не потому, что все — елки, а я одна — береза. Но... подождем о колорите. Важнее все-таки другое. Ведь, как бы ни были причудливы наличники, дом-то с фундамента строится!

Есть у Людмилы Татьяничевой стихотворение «Междузорье», посвященное Евгению Пермяку:

В междузорье
вмещается день.
В междузорье
вмещается ночь.
Я искала траву одолень,
Чтобы утру
Родиться помочь.

«Чтобы утру родиться помочь» — не в этом ли суть

всякого творчества? Именно так и понимает свою писательскую задачу Е. Пермяк. В его романе «Яргород» Полихроний Сергеевич Зотов — «музейный человек» рассказывает сказку о дарах владычицы Ойль. Ойль была некогда цветком таким благоуханным, что в одно прекрасное доисторическое утро Солнце даровало ей бессмертие. Ойль превратилась в золотисто-смуглую женщину. Однако нашлась завистница Стихия (увы, зависть появилась на свете уже тогда, в те доисторические времена, и почему-то мамонты вымерли, а завистники — нет), сумевшая низвести Ойль «глубже подземных вод в царство темных горючих морей». С той поры миновали века, тысячелетия. Миллионы лет...

Да ведь это — сказка о нефти! — воскликнет дотошный истолкователь всякого сна (есть и такие). И я поклонюсь ему в пояс: спасибо, догадался! А потом — поклонюсь ему еще ниже, чтобы он больше ни о чем не догадывался. Все равно ведь для него нефть — это нефть. А женщина, цветок Ойль, и Сын Солнца, Первый Луч — не более чем «романтический антураж».

Мне же хочется, читая и перечитывая Е. Пермяка, сказать следующее. Не ющите в сказках узкоэтиларного, прикладного смысла. Ковер-самолет и коврик у порога — может, и родня, да только очень дальняя. На ковре-самолете летают за тридевять земель. О коврик вытирают ноги. Опять-таки, если рассудить практически, конь без крыльев в хозяйстве нужнее, чем конь с крыльями... А все-таки, скажем, на гербе родного моего города Златоуста красуется именно крылатый конь.

Сказки Е. Пермяка неотделимы

от жизни. Неотделимы они и от его поэтической прозы. То есть можно, конечно, поместить сказки «как таковые» отдельно (в четвертом гоме), а романы — в других, предшествующих томах. Но как же быть с теми сказками, которые находятся внутри романов? И, наоборот, с теми, которые, видоизменяясь, как бы «свиваются» роман внутрь себя? «Сказка о сером волке», например, у Е. Пермяка — это не сказка, а маленький роман... И «Старая ведьма» — тоже!

А «Горбатый медведь»? Это — историко-революционный роман, произведение сложное, многогранное и, конечно же, реалистическое. Но посмотрите, разве не сказочно его начало? Восьмилетний Маврик — будущий взрослый Маврик Толлин — коротает зимние сумерки один, дожидаясь мамы. Время от времени он лезет под кровать посмотреть, кто лопался в мышеловку «Попалась очень скромная, гибкая мышка. Не бьется, не бегает, не старается улизнуть. Среди таких мышей и встречаются заколдованные феи, добрые волшебницы».

Трудно отделить тут правду от вымысла. Вот такая сказочность и составляет атмосферу художественных произведений Е. Пермяка. Так рождаются его романы-сказки...

Вот, например, «Сказка о сером волке». К Петру Бахрушину, председателю уральского колхоза, нежданно-негаданно приезжает брат Тимофей, американский фермер... Когда то он бежал с армией Колчака. Братья и жены прислали ложное извещение о своей якобы гибели. И вот на-думал белый «серый волк» на-бедиться в родные края, вымоловить у родных прощение. А как увидел маленького Сережу, своего внука — так и пустил слезу, словно хвоя сосны смолу. Шевельнулось что то человеческое в вольчей душе... Решил было даже остаться в Бахрушина, да в последний момент снова «встал на четвереньки», и, как сложила про него свою быль-небыль старая Тудоиха, «...тихой лунной ночью он тайно покинул Бахруши, не вильнув даже хвостом на прощанье за хлеб-соль спящему селу...». Но Сережа, успевший привязаться к своему новому «гренд па», не может поверить этой бабушкиной сказке. «Если бы он был волком, то Сережа заметил бы когти, или зубы, или хотя бы злые глаза».

Но в том-то и дело, что в жизни случается всякое. Когти и зубы не всегда видны. И не только такому несмышленышу, как Сережа. Ведь и его многоопытная бабушка Дарья Степановна — обманутая жена Трофима, — и та на какой-то момент поверила было, что серый волк может обернуться человеком. Не потому, как выразилась острыя на язык Тудоиха, что Дарья — «сова», а потому, что в те считанные часы, когда Трофим строил «почти настоящую» доменную печь для Сережи, ловил с ним щуку в реке, а потом попрось-

бе внука отпустил эту щуку обратно в воду, к ее щурятам-внучатам, он и впрямь был человеком.

Не будь этих сцен, не покажи Е. Пермяк короткого, но такого драматического борения в душе Трофима человеческого и волчьего, образ уступил бы место пла-кату, «агитке». Е. Пермяк находит художественное решение.

Именно потому, что Е. Пермяк — своеобразный художник, его прозаические вещи так трудно пересказывать. Они не поддаются аннотированию. Скажем, роман «Старая ведьма» — о чем он? О том, как ведьма, «ведьмее всех ведьм», впервые придумавшая колдовское слово «моё» и тем разъединившая людей, чуть было не опутала вконец рабочего человека красивой души Василия Киреева? О том, как опомнился наконец сталевар Киреев и вырвался из ее пут? Да, конечно, роман обо всем этом... Но насколько бедна схема в сравнении с романом!

Скажем, вот привычное выражение: деньги не пахнут. Но как обыграно оно в «Старой ведьме». Теща Василия Киреева, всеми правдами и неправдами (в основном — неправдами) накопив грядущий тысячу в исчислении до 1961 года, не доверила эти деньги банку. Жирно смазав свиным салом горшок и обернув его для надежности аптекарской kleenкой, она закопала драгоценный сосуд в подполе. И что же? Деньги... съели мыши. «Учаяв сало, они... прогнили в горшок и стали есть пропахшие свиным жиром и пропаленные многими руками столовые ложки» И мыши сумели обмануть свой голод ровно на тридцать тысяч рублей... Вот вам и «не пахнут»!

Е. Пермяк неистощимо изобретателен в сюжетостроении. Его проза в самом хорошем смысле этого слова занята. Потом в каждом романе у него есть своего рода «вставные новеллы». А, скажем, «Сольвинские мемории» — это вообще ожившая легенда. На одном дыхании, не отрываясь читая и «Царство Тихой Лутони». Читая, а вспоминая такое, что слушаешь! Заметим, кстати, что и в том, и в другом романах Е. Пермяк счел необходимым ввести рассказчика. «Сольвинские мемории» автор сам определяет как «роман пересказ», а желающих вступить в «Царство Тихой Лутони» уведомляет на пороге по-восточному, что в основу романа им положена «устная поэзия», будто бы рассказанная ему неким Лаврентием Матвеевичем Рябинкиным — «говорящим эрхивом». Так это или не так, автору виднее, но замечу, что если даже Рябинкин не существовал на самом деле, то теперь, после того как его ввел на страницы своего романа Е. Пермяк, он существует реально. И я слышу его речь:

«Послушаешь иную новину и подумаешь — какая же это грухлявая старина, замшелая сказка в новой раскраске, знакомая кошка в заморской одежке, а когти те же. Но забытое — не убитое, вспомнишь — и оживет».

Слова здесь цепляются одно за другое, кудрявятся, как стружки, сползающие с верстака... Невольно вспомнился «Ручной лебедь» Василия Казина:

Плавай, плавай,
Величавый,
Вдоль шершавого русла!
Цапай, цапай
Цепкой лапой
Струи стружек и тепла!

Признаюсь, мне легко представить себе Евгения Пермяка за письменным столом, а — именно — склонившимся над верстаком, под цветущей яблоней в саду... Все бело — и от медово пахнущих стружек, и от яблоневых лепестков... Плавает «вдоль шершавого русла» ручной величавый лебедь...

Светлана СОЛОДЕНКИНА